

**КЪЕЛДСЕН (KJELDSSEN), БУСК МАДСЕН
(BUSK MADSEN) и ПЕДЕРСЕН (PEDERSEN) ,
против ДАНИИ**

Судебное решение от 7 декабря 1973 г.

**КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА**

А. Основные факты

Заявители, которые являются родителями детей школьного возраста, возражали против обязательного полового воспитания, введенного в государственных школах Дании Законом от 27 мая 1970 г. Они полагали, что половое воспитание поднимает этические вопросы, и поэтому предпочитали сами проводить обучение своих детей в этой сфере. Однако компетентные органы отказали им в просьбе освободить их детей от школьного обучения по этому предмету.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

Родители обратились в Европейскую Комиссию по правам человека в 1971 и 1972 гг., утверждая в своих жалобах, что половое воспитание в школе противоречит их христианским убеждениям и статье 2 Протокола № 1. Комиссия, признав жалобы приемлемыми, объединила их в одно производство 19 июля 1972 г. В своем докладе Комиссия пришла к выводу об отсутствии нарушений статьи 2 Протокола № 1 (семью голосами против семи, Председатель воспользовался своим правом решающего голоса), статей 8 или 9 Конвенции (единогласно) и статьи 14 Конвенции (семью голосами против четырех при трех воздержавшихся).

Дело было передано Европейской Комиссией в Суд 24 июля 1975 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

47. Суд должен сначала принять решение по двум предварительным вопросам.

Первый касается заявления, сделанного г-ном и г-жой Къелдсен, об отзыве жалобы и судебного заявления о выделении их дела в самостоятельное производство (см. п. 11 выше)

Данное заявление, исходящее от лиц, которые не имеют права в соответствии с Конвенцией передавать дела в Суд, не может повлечь за собой прекращение данного судопроизводства (см. решение по делу Де Беккера от 27 марта 1962 г. Reports, т. 4, с. 23, п. 4). Пункт 1 статьи 47 Регламента Суда неприменим в данных обстоятельствах, т. к. он относится исключительно к прекращению судопроизводства по просьбе “стороны, которая подала дело в Суд”, т. е. государством, имеющим статус заявителя в судебном процессе (статья 1, п. (h)). Следует признать, что п. 2 предусматривает, что Суд может, при соблюдении п. 3, исключить из списка дела, переданные ему Комиссией, но вышеуказанный пункт ставит это решение в зависимости от существования “мирового соглашения, договоренности или другого действия подобного рода, обеспечивающих решение вопроса”. Однако, как подчеркнул главный представитель Комиссии на утреннем слушании 11 июня 1976 г., это условие не было выполнено в деле Кьелдсенов. Более того, исключение дела из списка Суда несмотря на отсутствие запроса Правительства было бы лишено всякого практического значения в данных обстоятельствах: даже если исключить жалобу № 5095/71, тем не менее жалобы г-на и г-жи Буск Мадсен и г-на и г-жи Педерсен (№ 5920/72 и № 5926/72 соответственно), поднимающие ту же самую основную проблему остались бы в производстве.

Этот последний довод привел Суд к решению отклонить ходатайство о выделении дела в отдельное производство.

48. Второе, Суд считает необходимым определить объект рассмотрения.

В 1972 и 1973 гг. Комиссия приняла жалобы, т. к. они оспаривали соответствие Закона от 27 мая 1970 г., который делал половое воспитание обязательным в государственных школах, по статье 2 Протокола № 1. Комиссия признала заявления неприемлемыми из-за исчерпания всех внутренних средств правовой защиты в той части, в которой они основаны на “изданных директивах и других административных мерах, принятых датскими властями” в отношении методов ведения такого образования. В п. 141 своего доклада от 21 марта 1975 г. до того, как сформулировать свое мнение по существу данного дела, Комиссия указала, что в ее задачу входило рассмотрение “датского законодательства, которое предусматривает интегрированное половое обучение”, а не “того, каким образом обучение велось в различных школах”. В п. 142 Комиссия указала, что под законодательством она понимала Закон № 235 от 27 мая 1970 г., постановление Правительства № 274 от 8 июня 1971 г. и постановление Правительства № 313 от 15 июня 1972 г. В кратком перечне обстоятельств дела, данных в докладе, упоминается, кроме того, “Руководство” от апреля 1971 г. по проблемам полового воспитания в государственных школах. Ходатайство, явившееся основанием для судебного разбирательства от 24 июня 1975 г., также говорит о “датском законодательстве”, а не только о Законе от 27 мая 1970 г. В памятной записке от 11 мая 1976 г. и во время слушаний 1 и 2 июня 1976 г. представители Комиссии приводили длинные выдержки из “Руководства” за апрель 1971 г. и из постановлений от 8 июня 1971 г. и от 15 июня 1972 г., хотя их окончательные выводы относились исключительно к Закону от 27 мая 1970 г. Представители Комиссии выразили мнение, что, хотя Суд не должен рассматривать “конкретные меры, посредством которых ведется половое обучение в соответствующих школах”, т. е. действия, предпринимаемые “муниципальными властями и ассоциациями родителей”, он “может... рассмотреть различные действия общего характера, предпринимаемые... Правительством”;

они считают, что надзор Суда распространяется на постановления от 8 июня 1971 г. и 15 июня 1972 г. “по крайней мере в той степени, в какой они могут быть полезны для толкования Закона от 27 мая 1970 г.”. Из высказываний представителей следует, что Правительство и Комиссия согласны с “этим толкованием решения о приемлемости”, формулировки которого содержат “определение двусмысленности”

В памятной записке Правительства от 8 марта 1976 г. содержится вывод, сделанный из п. 141 доклада Комиссии, что разбирательство дела должно исходить из того, что Закон от 27 мая 1970 г. “выполняется в соответствии с правилами, введенными постановлением Правительства от 15 июня 1972 г.”. В “материалы, на которых должен основываться Суд”, Правительство включило постановления и циркуляры от 8 июня 1971 г. и 15 июня 1972 г.; в результате чего грэфье, действуя по поручению Председателя Палаты, получил тексты этих документов от Комиссии (Распоряжение от 20 марта 1976 г.). “Чтобы исключить всякое влияние неправильных представлений о том, “каким образом проводится половое воспитание”, Правительство дополнительно предоставило секретариату английский перевод “Руководства” от апреля 1971 г.; его представитель зачитал выдержку из предисловия к “Руководству” во время устного выступления 1 июня 1976 г.

В этих условиях Суд считает, что в его задачу входит определение того, противоречат ли Закон от 27 мая 1970 г. и представленные Суду подзаконные нормативные акты делегированного законодательства Конвенции и Протоколу № 1; однако конкретные меры по его применению, решения о которых принимаются на уровне каждого конкретного муниципалитета или учебного заведения, не входят в сферу контроля Суда. Статья 1 Закона от 27 мая 1970 г. лишь добавляет к списку обязательных “интегрированных” дисциплин, среди прочих, половое воспитание. Министру образования было поручено определить порядок реализации утвержденных правил (см. п. 22 выше). Постановления и циркуляры от 8 июня 1971 г. и 15 июня 1972 г., изданные в рамках имеющихся полномочий, образуют единое целое с самим Законом, и, только ссылаясь на них, Суд может оценить Закон; в противном случае передача данного дела в Суд вряд ли была бы полезна. Тем не менее следует указать, как это уже сделала Комиссия (п. 145 *in fine* отчета), что данное дело не касается специальных, факультативных занятий по половому воспитанию, предусмотренных постановлением от 8 июня 1971 г. и постановлением от 15 июня 1972 г., речь идет только о положениях, касающихся полового воспитания, интегрированного в учебный процесс в качестве обязательной дисциплины.

“Руководство” от апреля 1971 г., с другой стороны, не является законодательным или нормативным, а только рабочим документом, предназначенным помогать и давать советы администрации местных школ; хотя постановление (раздел 2) и циркуляр от 8 июня 1971 г. упомянули его, нельзя сказать того же о циркуляре от 15 июня 1972 г. (см. п. 24—25 и 31—32 выше). Тем не менее им продолжают пользоваться по всей стране и его часто цитируют выступающие в Суде. Соответственно, Суд будет принимать во внимание “Руководство”, т. к. оно способствует разъяснению сущности данного законодательства.

Закон № 313 от 26 июня 1975 г., который окончательно вступил в силу 1 августа 1976 г., не требует отдельного рассмотрения, т. к. он не вносит никаких поправок в правовые нормы, относящиеся к данному делу (см. п. 33 выше).

I. О предполагаемом нарушении статьи 2 Протокола № 1

49. Заявители ссылаются на статью 2 Протокола № 1, которая гласит:

“Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при осуществлении любых функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать, чтобы такие образование и обучение соответствовали их собственным религиозным и философским убеждениям”.

50. Основной аргумент Правительства, высказанный перед Комиссией, состоит в том, что второе предложение статьи 2 неприменимо к государственным школам (п. 104—107 доклада и памятная записка от 29 ноября 1973 г.), но их аргументы слегка изменились с тех пор. В памятной записке от 8 марта 1976 г. и на слушаниях 1 и 2 июня 1976 г. они признали, что существование частных школ, возможно, не всегда означает, что вышеназванное положение не нарушается. Тем не менее Правительство подчеркивало, что Дания не заставляет родителей отправлять своих детей в государственные школы; она позволяет родителям самим обучать своих детей или организовывать их обучение в домашних условиях, и, кроме того, посылать их в частные учебные заведения, которым государство предоставляет значительные субсидии, тем самым принимая на себя функции “в области образования и обучения”. В смысле статьи 2 Дания, как это было заявлено, таким образом выполняет обязательства, проистекающие из второго предложения данного положения.

Суд принимает к сведению, что в Дании частные школы сосуществуют с системой государственного образования. Второе предложение в статье 2 имеет обязательную силу для Договаривающихся Сторон при выполнении ими каждого из обязательств — оно говорит о “любых функциях”, которые они возлагают на себя в области образования и обучения, включая те, которые состоят в организации и финансировании государственного образования. Более того, второе предложение статьи 2 должно толковаться вместе с первым, которое закрепляет право каждого на образование. Именно с этим основным правом неразрывно связано право родителей на уважение их религиозных и философских убеждений, и первое предложение, так же, как и второе, не проводит разграничения между государственным и частным обучением.

Подготовительные работы, которые, без сомнения, имеют особое значение для пункта, вызвавшего такие долгие и бурные дискуссии, подтверждают то толкование, которое возникает при первом чтении статьи 2, хотя они, бесспорно, демонстрируют, как напомнило Правительство, то значение, которое придается многими членами Парламентской Ассамблеи Совета Европы и рядом правительств, свободе обучения, т. е. свободе учреждать частные школы. Подготовительные работы при этом никоим образом не раскрывают намерение заходить дальше, чем гарантировать эту свободу. В отличие от некоторых более ранних вариантов, окончательный текст не содержит прямого провозглашения этой свободы, и многочисленные выступления и предложения, упомянутые представителями Комиссии, показывают, что не была упущена из виду необходимость гарантировать в системе государственного обучения уважение религиозных и философских убеждений родителей.

Второе предложение статьи 2 направлено, короче говоря, на защиту возможности плюрализма в обучении, и наличие этой возможности суще-

ственно важно для сохранения “демократического общества”, как это понимается в Конвенции. Благодаря могуществу современного государства именно через государственное обучение наилучшим образом может быть реализована эта цель.

Таким образом, Суд приходит к такому же выводу, к какому пришла Комиссия, единогласно приняв решение о том, что датские государственные школы не выходят за пределы сферы действия Протокола № 1. При изучении вопроса, была ли нарушена статья 2, Суд не может игнорировать, однако, что обязанности, которые Дания возложила на себя в области образования и обучения, включают оказание значительной помощи частным школам. Хотя доступ в эти школы требует от родителей расходов, на что заявители уже справедливо указывали, альтернативное решение, которое, таким образом, предлагается, является фактором, который нельзя упускать из виду в данном деле. Представители, выступающие от имени большинства Комиссии, признали, что этому фактору не было уделено достаточно внимания в п. 152—153 доклада.

51. Альтернативный аргумент Правительства заключается в том, что второе предложение статьи 2, даже если его действие распространяется на государственные школы, где посещение необязательно, предполагает исключительное право родителей на освобождение своих детей от занятий, предусматривающих “религиозное воспитание, относящееся к какому-либо вероисповеданию”.

Суд не разделяет эту точку зрения. Статья 2, которая применима к каждой из обязанностей государства в области образования и обучения, не допускает проведения различий между религиозным обучением и другими предметами. Она вменяет в обязанность государству уважать убеждения родителей независимо от того, носят ли они религиозный или философский характер, на протяжении всего курса государственного образования.

52. Как уже видно из самой структуры статьи 2, она составляет единое целое при доминировании первого предложения. Взяв на себя обязательство не отказывать “в праве на образование”, Договаривающиеся Стороны гарантируют любому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, “право на доступ к учебным заведениям, существующим в данное время”, и “возможность воспользоваться полученным образованием” “при официальном признании знаний после окончания занятий” (см. решение по делу “*О языках в Бельгии*” от 23 июля 1968 г. Серия А, т. 6, с. 30—32, п. 3—5).

Право, сформулированное во втором предложении статьи 2, является составной частью этого основного права на образование (см. п. 50 выше). Именно при выполнении естественного долга перед своими детьми родители, несущие основную ответственность за обучение и образование своих детей, могут потребовать от государства уважать их религиозные и философские убеждения. Их праву, таким образом, корреспондирует обязанность, тесно связанная с осуществлением и использованием права на образование.

С другой стороны, “нужно толковать в целом положения Конвенции” (см. вышеупомянутое решение от 23 июля 1968 г., с. 30, п. 1). Соответственно, два предложения статьи 2 должны быть истолкованы не только во взаимосвязи, но и, в частности, в свете статей 8—10 Конвенции, которые провозглашают право каждого, включая родителей и детей, “на уважение его личной и семейной жизни”, “на свободу мысли, совести и религии” и “свободу... получать и распространять информацию и идеи”.

53. Из предыдущего абзаца в первую очередь следует, что формирование и планирование учебных программ входит в принципе в компетенцию государств-участников. Это главным образом вопросы целесообразности, по которым Суд не должен принимать решений и которые могут сильно отличаться в зависимости от страны и конкретного периода. В частности, второе предложение статьи 2 Протокола № 1 не запрещает государствам распространять с помощью системы образования информацию или знания, прямо или косвенно имеющие религиозный или философский характер. Статья даже не позволяет родителям возражать против включения такого обучения или образования в школьные программы, иначе вся утвержденная система обучения рискует оказаться неосуществимой. На самом деле представляется, что многие предметы, преподаваемые в школе, как правило, имеют некоторый философский подтекст или окраску. То же самое можно сказать о свойствах религии, если вспомнить, что есть религии, которые формируют широкую систему догматов и моральных установок, которая призвана давать ответы на любой вопрос философского, космологического или этического характера.

Второе предложение статьи 2 подразумевает, с другой стороны, что государство, выполняя обязанности, которые оно приняло на себя в области образования и обучения, должно позаботиться о том, чтобы информация и знания, включенные в учебную программу, преподносились в объективной, критичной и плюралистической манере. Государство не вправе стремиться внушать принципы, которые можно расценить как неуважение религиозных и философских убеждений родителей. Это та граница, которую нельзя переходить.

Такое толкование соответствует первому предложению статьи 2 Протокола № 1 и статьями 8—10 Конвенции, а также общему духу самой Конвенции, являющейся инструментом, призванным поддерживать и сохранять идеи и ценности демократического общества.

54. Для того чтобы изучить соответствия оспариваемого законодательства статье 2 Протокола № 1, как она толкуется выше, необходимо, избегая каких-либо оценок целесообразности данного законодательства, учитывать реальную ситуацию, которой оно соответствовало.

Датский законодатель, заручившись мнением квалифицированных специалистов, взял за отправной пункт признанный факт, что в Дании дети теперь без труда получают из разных источников интересующую их информацию о половой жизни. Обучение по данному предмету в государственных школах направлено не столько на привитие знаний, которых у них нет, либо которые они не могут получить другими способами, сколько, преследует цель дать эту информацию более корректно, точно, объективно и научно. Обучение, организуемое и осуществляемое в соответствии с данным спорным законодательством, в основном направлено на предоставление ученикам более качественной информации, что вытекает *inter alia* из предисловия к “Руководству” от апреля 1971 г.

Даже если ограничиться только этим, совершенно ясно, что некоторые учителя не смогут исключить из обучения определенные оценки, способные проникать в религиозные и философские сферы, поскольку при рассмотрении соответствующих вопросов оценка фактов естественным образом приводит к суждениям, касающимся ценностных понятий. Меньшинство в Комиссии справедливо подчеркивало это. Постановления и циркуляры от 8 июня 1972 г., “Руководство” от апреля 1971 г. и другие материалы, пред-

ставленные Суду (см. п. 20—32 выше), ясно показывают, что датское государство, своевременно давая детям объяснения, которые оно считает полезными, пытается предостеречь их, обратив их внимание на такие тревожные явления, как рождение слишком большого количества детей вне брака, вынужденные аборт и венерические болезни. Государственные органы хотят дать ученикам возможность, когда придет время, “заботиться о себе и проявлять внимание к другим в этом отношении”, “чтобы не оказаться или не поставить других в трудное положение исключительно из-за недостатка знаний” (раздел 1 постановления от 15 июня 1972 г.).

Хотя это соображения этического порядка, они очень общие по своему характеру и не влекут за собой выход за рамки того, что в демократическом государстве может расцениваться как общественный интерес. Изучение данного оспариваемого законодательства фактически подтверждает тот факт, что оно никоим образом не является попыткой внушить идеи, связанные с пропагандой определенного сексуального поведения. Целью этого законодательства не является превознесение секса или побуждение учеников начать половую жизнь преждевременно, что опасно для их здоровья или будущего и что многие родители считают предосудительным. Далее, оно не влияет на право родителей просвещать и давать советы детям, выполняя естественные обязанности воспитателей по отношению к своим детям, или направлять их по пути, соответствующему их собственным религиозным или философским убеждениям.

Конечно, могут встречаться злоупотребления в ходе применения этих действующих правовых норм в данной школе или данным конкретным учителем, и компетентные власти обязаны делать все возможное, чтобы не было пренебрежения к религиозным и философским убеждениям родителей на этом уровне из-за невнимательности, недостатка здравого смысла или неуместного прозелитизма. Однако, как следует из решений Комиссии по приемлемости заявлений, Суд в настоящее время не рассматривает вопросы такого характера (см. п. 48 выше).

Суд, соответственно, пришел к выводу, что оспариваемое законодательство само по себе никоим образом не посягает на религиозные и философские убеждения заявителей в той мере, как это запрещается вторым предложением статьи 2 Протокола № 1, которое понимается в свете первого предложения этой статьи и Конвенции в целом.

Кроме того, датское государство сохраняет для родителей, которые, исходя своих убеждений или мнений, хотят держать своих детей подальше от интегрированного полового воспитания, реальную возможность избежать этого; оно позволяет родителям либо доверить своих детей частным школам, которые не связаны такими строгими обязательствами и, кроме того, хорошо субсидируются государством (п. 15, 18 и 34 выше), либо проводить обучение в домашних условиях, при этом испытывая очевидные неудобства, связанные с необходимостью прибегать к одному из этих альтернативных вариантов.

55. Заявители также ссылаются на первое предложение статьи 2. В этой связи достаточно отметить, что государство-ответчик не лишало и не лишает их детей, ни доступа к учебным заведениям, существующим в Дании, ни права воспользоваться полученным образованием при официальном признании знаний (решение по делу “*О языках в Бельгии*” от 23 июля 1968 г. Серия А, т. 6, с. 30—32, п. 3—5).

II. О предполагаемом нарушении статьи 14 Конвенции в сочетании со статьей 2 Протокола № 1

56. Заявители также утверждают, что они являются жертвами дискриминации на почве религии при осуществлении своих прав, гарантируемых статьей 2 Протокола № 1, что противоречит статье 14 Конвенции. Они подчеркивают, что датское законодательство позволяет родителям освобождать своих детей от занятий по религиозному воспитанию, проводимых в государственных школах, в то время как оно не предоставляет подобных возможностей в отношении курса полового воспитания, интегрированного в систему обучения (см. п. 70, 80 и 171—172 доклада Комиссии).

Во-первых, Суд отмечает, что статья 14 запрещает в пределах, предусмотренных гарантированными правами и свободами, дискриминационное обращение на основании личных особенностей (“статуса”), которые отличают людей или группы людей друг от друга. Однако в оспариваемом законодательстве нет ничего, что позволяет предположить, что оно предусматривает такое обращение.

Более того, Суд так же, как и Комиссия (п. 173 доклада), признает, что имеется существенное различие между религиозным воспитанием и половым образованием, о котором идет речь в рассматриваемом деле. Первое по определению служит распространению догм, а не просто знаний; Суд уже установил, что это не относится к последнему (см. п. 54 выше). Соответственно, разграничение, против которого возражают заявители, основывается на различных фактических обстоятельствах, соответствует требованиям статьи 14.

III. О предполагаемом нарушении статей 8 и 9 Конвенции

57. И, наконец, заявители, не предоставляя подробных обоснований, ссылаются на статьи 8 и 9 Конвенции в сочетании со статьей 2 Протокола №1. Они утверждают, что законодательство, против которого они возражают, вмешивается в их право на уважение личной и семейной жизни и их право на свободу мысли, совести и религии (п. 54—55, 72, 89 и 170 доклада Комиссии).

Однако Суд не находит никакого нарушения статей 8 и 9, которые к тому же были приняты во внимание при толковании статьи 2 Протокола № 1 (см. п. 52 и 53 выше).

IV. По поводу применимости статьи 50 Конвенции

58. Не найдя нарушения Протокола №1 или Конвенции, Суд отмечает, что вопрос о применимости статьи 50 в данном деле не возникает.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* шестью голосами против одного, что не было нарушения статьи 2 Протокола № 1 или статьи 14 Конвенции в сочетании с вышеуказанной статьей 2;

2. *Постановил* единогласно, что не было нарушения статей 8 и 9 Конвенции в сочетании со статьей 2 Протокола № 1.

Совершено на английском и французском языках, французский текст является аутентичным, и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 7 декабря 1976 г.

Марк-Андре Эйссен
Грефье

Джорджио Балладоре Пальери
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 50 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагается особое мнение судьи Фердроса.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ФЕРДРОСА

Я одобряю пункты 1—52, 55 и 57 судебного решения, но, к моему большому сожалению, я не мог голосовать за п. 1 постановляющей части или принять обоснования, данные выше (п. 53—54 и 56). Мои мотивы следующие.

Я согласен с отправным пунктом датского Правительства, поддержанным в судебном решении, а именно, что ни одно из положений Конвенции не запрещает Договаривающимся Сторонам интегрировать в свои школьные программы вопросы полового воспитания и тем более делать соответствующее обучение в принципе обязательным. Второе предложение статьи 2 Протокола № 1, таким образом, не лишает государство возможности распространять в государственных школах с помощью данного обучения объективную информацию религиозного и философского характера. Однако эта свобода, которой пользуется государство, ограничена вторым предложением статьи 2 Протокола № 1, в соответствии с которой родители могут требовать, чтобы в процессе обучения уважались их религиозные и философские убеждения.

Поскольку заявители по данному делу считают себя жертвами покушения на их “христианские убеждения”, мы можем оставить в стороне вопрос, как нужно понимать термин “философские убеждения”. Нам достаточно выяснить, уважало ли государство, против которого поступила жалоба, христианские убеждения родителей в контексте полового воспитания.

Можно признать, что утверждения заявителей в этом вопросе не очень точные. Их жалобы тем не менее достаточно ясны, чтобы выявить проблему. Заявители фактически возражают против того, что государство слишком рано “подробно” знакомит с проблемами секса; они признают, что монополия государства в сфере образования лишает их основного права “гарантировать их детям образование в соответствии с их собственными религиозными убеждениями”. Из этого становится ясно, что они основывают свои жалобы на широко признанной христианской доктрине, в силу которой все, что влияет на развитие сознания ребенка, т. е. его моральное наставничество, входит в обязанности родителей, и поэтому государство не может в этой сфере вставать между родителями и детьми против воли родителей.

Заявители, вероятно, исповедуют ту же самую религию, что и большинство населения страны, но они, возможно, принадлежат к группе лиц, более преданных христианским традициям, чем их соотечественники, которые либо более либеральны, либо безразличны к религии. Однако, поскольку все права, гарантируемые Конвенцией и ее Протоколами, являются правами **каждого отдельного человека**, Суд не призван определять, нарушаются ли права лиц, принадлежащих к какой-либо секте. У Суда есть единственное обязательство - определить, уважались или нет в данном конкретном случае права заявителей.

Таким образом, возникает вопрос, могли ли заинтересованные в настоящем судебном разбирательстве родители в соответствии со статьей 2, процитированной выше, возражать против обязательного полового воспитания в государственной школе, даже если, как в данных обстоятельствах, такое воспитание не связано с попытками внушения принципов.

Чтобы ответить на этот вопрос, мне кажется необходимым разграничить, с одной стороны, фактическую информацию о человеческой сексуальности, которая входит в сферу изучения естественных наук, в первую очередь биологии, а с другой — информацию, относящуюся к сексуальной практике, включая контрацепцию. Такое разграничение необходимо, по моему мнению, в связи с тем, что первая нейтральна с точки зрения морали, в то время как последняя, даже если она преподается несовершеннолетним в объективной манере, всегда влияет на развитие их сознания. Из этого следует, что даже объективная информация о половой жизни, если она дается слишком рано в школе, может оскорблять христианские убеждения родителей. Последние при этом имеют право возражать.

Нельзя ссылаться на статью 10 Конвенции, которая олицетворяет свободу каждого получать и передавать информацию, чтобы опровергнуть это мнение, т. к. статья 2 Протокола № 1 представляет собой специальную норму права, частично отменяющую общий принцип статьи 10 Конвенции. Статья 2 Протокола № 1, таким образом, дает право родителям ограничивать свободу передавать их детям, не достигшим совершеннолетия, информацию, влияющую на развитие их сознания.

Из принятого решения видно, что вышеупомянутое положение статьи 2 запрещает только обучение с целью внушения принципов. Однако это положение не содержит никакого указания, оправдывающего ограничительное толкование такого рода. Напротив, оно требует, чтобы государства безоговорочно уважали религиозные и философские убеждения родителей; в ней не проводится никакого различия между целями, которые преследует образование. Поскольку заявители считают себя жертвами ввиду покушения на их «христианские убеждения», ставшего результатом обязательного присутствия их детей на занятиях с «подробным» изучением проблем секса, Суд должен был ограничиться определением, если имелось сомнение, соответствует ли эта жалоба верованиям, которые исповедуют заявители.

В этом отношении мне представляется, что полномочия суда аналогичны полномочиям органов, отвечающих в различных странах за проверку истинности утверждений лиц, призванных на военную службу, утверждающих, что их религиозные или философские убеждения не позволяют им носить оружие (*conscientious objectors*). Эти органы должны уважать идеологию заинтересованных лиц, если такая идеология ясно сформулирована.

Различия между информацией, относящейся к знаниям о человеческой сексуальности в целом, и информацией, касающейся сексуальной практи-

ки, признаны в самом датском законодательстве. В то время как частные школы по закону должны включать в свои учебные программы курс биологии о воспроизводстве человека, им дан выбор — соблюдать или нет другие правила, обязательные для государственных школ, в отношении вопросов секса. Сам законодатель признает, что информация о сексуальной практике может быть отделена от другой информации на эту тему, и поэтому освобождение, предоставляемое детям в отношении конкретного курса первой категории, не мешает интеграции в школьную программу научных знаний на эту тему.

Датский закон о государственных школах никоим образом не освобождает детей тех родителей, которые имеют религиозные убеждения, отличные от убеждений законодателей, от посещения всех занятий по половому воспитанию. Поэтому из этого следует, что датский закон в рамках выше-сказанного не соответствует второму предложению статьи 2 Протокола № 1.

На этот вывод не влияет право родителей посылать детей в частную школу, субсидируемую государством, или обучать их дома. С одной стороны, право родителей — это чисто индивидуальное право, в то время как открытие частной школы всегда предполагает существование определенной группы лиц, разделяющих определенные убеждения. Поскольку государство должно уважать религиозные убеждения родителей, даже если существует одна супружеская пара, чьи убеждения в отношении развития сознания их детей отличаются от убеждений большинства населения в стране или в данной конкретной школе, оно может исполнить эту конкретную обязанность, только освободив детей от занятий, касающихся сексуальной практики. Более того, нельзя не признать, что образование в частной школе, даже в той, которая субсидируется государством, и обучение дома всегда влекут за собой материальные издержки для родителей. Таким образом, если заявители не будут иметь права освобождать своих детей от занятий, о которых идет речь, будет существовать неоправданная дискриминация, противоречащая статье 14 Конвенции, ставящая их в неравное положение с родителями, чьи религиозные и моральные убеждения соответствуют убеждениям датских законодателей.